

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Толстая суковатая палка как-то архаична в его руке. Однако я помню дни, когда она считалась непременным атрибутом Валерия Золотухина. «Трость стал носить так просто, — объяснял он. — Чтобы люди оборачивались: чего это он, мол, такую дубину таскает?»

Идя с ним в толчее московских улиц, я то и дело замечала, как глаза встречных задерживаются на его лице. Узнают актера Валерия Золотухина? Нет, обращаясь вслед, случайный прохожий скорее видит, как мне кажется, самого себя — некогда такого же молодого, такого же открыто гостя всем ветрам и грозам, навстречу будущему, созидаю которое еще только предстоит. Где-то в тайниках души рождается эхо давних уже воспоминаний о днях собственной молодости, прожитой трудно и светло, о начале собственных биографий, в которых войны и стройки, горе и радости замешаны круто, на всю жизнь.

Но, конечно, актиста Золотухина — с его счастливым талантом дарить людям возможность возвращения к прошлому — многие уже знают, и больше по кино. Хотя популярность его там необычна: актер, чье амплуа на стадии театральном языке определялось бы как обаятельный простак, создал на экране героический образ революционного бойца. Образ, в котором отсутствуют чисто внешние признаки киногероя.

После телевизионной премьеры гайдаровского «Бумбараша», а точнее, еще раньше — после выхода на экраны фильма «Пакет», поверили мы в правдивость и жизненность точно увиденных Золотухином персонажей.

Не знаю, стоит ли оглядываться назад в поисках параллелей и вспоминать, скажем, Бориса Тенина и его красноармейца Шадрина из «Человека с ружьем» или матросов из «Мы из Кронштадта»? Да, искусство питается традициями. Но, думаю, и драматургический материал, и сам подход к теме у Валерия Золотухина оказались иными, более простыми и более сложными одновременно.

Аркадий Гайдар написал сказочную притчу о Бумбараши. Прекрасную в своей бесхитростности, романтической приподнятости историю народного борца-освободителя, вышедшего на правый бой с буржуями и капиталистами за родную Советскую власть.

Валерий Золотухин сыграл Бумбараши в кино этаким озорным, острым на языке русским крестьянином, намеренно заземлив образ, лишив его былинной удачи, наделив чертами чисто человеческими, житейскими. Его Бумбараши оказался сродни Василию Теркину, ибо вобрал в себя все лучшее, что есть в нашем народе — высочайший патриотизм и неиссякаемый оптимизм, мужество и веру в победу.

Случайно ли, нет ли, что фильм о Бумбараши снимался в окрестностях украинского города Канева, где похоронен Аркадий Гайдар, погибший в дни Великой Отечественной войны?

Может быть, оттого, когда нынче молодой актер Валерий Золотухин воплотил Бумбараши в телефильме, сама ус-

ловность этого характера, развивавшегося в рамках притчи Гайдара, обернулась вдруг чем-то удивительно сегодняшним, молодым, близким. «Живи, Бумбараши, в светлом коммунистическом обществе», — напутствовали его красноармейцы, отправляя с фронта домой.

Оптимизм тех, самых первых дней нашей новейшей истории подарил нам Бумбараши, оставил его с нами навсегда...

— Почему вы стали актером. Валерий?

— Наверное, потому, — отвечает он, — что природа придумала меня именно им и никем другим. Кроме того, я не умею закупоривать в своей голове те идеи и наблюдения, которые постоянно копошаются в ней...

Вижу, что он улыбается — и задуманному вопросу, и своему ответу на него. Потому что наверняка не верит в однозначность суждений на тему человеческого призыва, в исчерпанность и точность мгновенных формулировок.

И после этого шутливого ответа в памяти невольно всплывает песенка, которую он, Валерий Золотухин, бесшабашно распевал, сидя на тендере потрапанного паровозика, ползущего сквозь дымы и пожары гражданской войны:

Дрожи, буржуй,
настал
последний бой!
Против тебя
весь бедный
класс поднялся.
Он оглянулся, засмился,
все цепи разорвал
И за свободу бьется, как
герой!..

Золотухин говорит, что, работая над ролью Бумбараши, он вспоминал своего деда. Того, которого и не знал вовсе, которого рисовало воображение по письмам матери, по выцветшим фотографиям. Вспоминал свое родное алтайское село Быстрый Исток — шел к образу по вехам будто собственной судьбы.

Мне почему-то кажется, что актеру Золотухину и сегодня радостно возвращаться к местам своего детства. Радостно голосовать на дорогах, прыгать на подножки попутных грузовиков, брести долгой лесной просекой к селу. И что каждую новую свою роль он выверяет опытом им самим пройденного пути, заряжает своей молодостью, своим пытливым мироощущением.

— Молодости обычно дано обостренно чувствовать пульс времени, — замечает он. — Так уж получилось, что герой мои в театре в большинстве своем датирован временем прошедшем: и Грушницкий в «Герое нашего времени», и Лопухов в «Что делать?», и Находка в «Матери», и Водонос в «Добром человеке из Сезуана», и даже Пушкин в «Товарищ, верь!». И в кино мне пришлось сниматься больше в ролях людей, делавших или защищавших революцию. Но я всегда говорю, что играю современников, только их. Да и искусство прошлого, если оно подлинное, принадлежит настоящему, и стареть ему не дано — свято верю это. И потому каждая новая роль, за которую я берусь, прежде всего поиск подступов, путей к созданию образа современника. Правда, мои работы в кино, хотя они являются лишь эпизодом в биографии театрального актера, более заметны широконом зрителю...

После фильма «Пакет», получившего «Гран при» на Международном фестивале телевизионных лент, так уж сложилась кинематографическая судьба Золотухина, что ему приходится играть, как правило, людей, становление характеров которых происходило в трудные военные годы или при обстоятельствах, требующих мужества, ясности поставленных целей, самоотдачи: Бумбараши, чекист

в картине «О друзьях-варищах», милиционер Василий Фокин Сережкин в фильмах «Хозяин тайги» и «Пропажа свидетеля». Создавая эти образы, актер смотрел на них глазами поколения, чьи годы были безоблачно счастливыми. Но не только этого поколения...

— И я, и мои сегодняшние сверстники, родились мы раньше на несколько десятилетий, оказались бы на месте тех, кто воевал. И наши биографии могли бы стать военными, трагическими, оборваться вдруг ради спокойствия и мира на советской земле, за которую много жизней и крови отдали наши отцы. Когда перед объективом кинокамеры я надеваю армейскую шинель, беру в руки винтовку, я думаю об этом...

Во время съемок кинофильма «Пакет» у режиссера Владимира Назарова было немало сомнений: не пережимает ли актер в своей раскованной непосредственности, получится ли образ? Но после монтажа оказалось, что все получилось

как надо: Петя Трофимов умен, добр и смел.

— Я почувствовал Петя Трофимов характер интуитивно, — рассказывает Валерий Золотухин.

— Представил себе деревенского парня, наиболее ярко выраженного, — и со временем это слово часто наставляется смыслом не совсем верным), самого что ни на есть обыкновенного крестьянского сына, привычного к земле, к нелегкому и светлому труду на ней, ставшего в тяжкие военные годы на защиту этой родной земли, мирного своего призыва.

Люди рождаются для мира. И ничто не может быть красивее в человеке, чем доброта. Видимо, поэтому любимым своим персонажем считает Золотухин сказочного Ивана, Иванушку-дурачка — прекраснодушного, честного, неунывающего народного героя.

И истоки всех подвигов самоожертвования, о которых и артист, и его ровесники знают по воспоминаниям старших, по книгам, по обожженным страницам истории Отечества, — беззаветная любовь к жизни, в свою Родину, в будущее...

Валерий Золотухин уже несколько лет находится в фокусе зрительского внимания. Один из ведущих актеров театра на Таганке, он и в кино снимается теперь почти непрерывно. И дело здесь не в каком-то удобстве артиста для режиссеров. Скорее наоборот — он неудобен, колюч, зато творчески всегда основательен и серьезен. Этим он и интересен для постановщиков. Тем, что никогда не выбирает легких путей, не эксплуатирует свое обаяние, не заслоняется от зрителей маской простенкой улыбки.

Его поиск постоянен, как постоянна работа — каждодневная, тяжелая, нередко черновая.

— Я стремлюсь отдавать кинематографу все свободное от театра время. Экран позволяет близко заглянуть людям в глаза, покопаться в душе героя...

Да, это еще не все — надеть кожаную тужурку чекиста, милиционскую фуражку или же военную гимнастерку. Узнавание или неузнавание, приятие или неприятие зрителем киногероя лежат в иных плоскостях, измерены меркой таланта и души, тяжестью

багажа актера. Зритель видит на экране его глаза и замечает в них малейшую фальшь.

Золотухин любит рассказывать о начале своей театральной карьеры, когда его, выпускника отделения музыкальной комедии ГИТИСа, пригласили на драматическую сцену в Театр имени Моссовета. Тогда первые сезоны не принесли молодому актеру известности, лишь помогли обжить на театральной площадке. Роли, которые он исполнял, были по большей части эпизодические, с уклоном, как он сам говорит, на «танких рубах-парней с гармошками».

Желание нравиться зрителю — в природе артиста. Золотухин уже тогда знал свои козыри и старался использовать их. В спектакле по пьесе Исаида Штока «Ленинградский проспект» он играл не большую роль приятеля главного героя. И появление Валерия на сцене, и его уход непременно вызывали смех и аплодисменты зала. После одного из спектаклей молодого исполнителя пригласил в свою гримерную народный артист СССР Николай Мордвинов. Очень внимательно и долго смотрел он на Золотухина, будто видел его впервые.

— Лицо-то какое хорошее, — сказал он самому себе. И добавил: — Вы, молодой человек, в спектакле играете Чухина, друга моего сына. А сын у меня — не дурак. И глупых друзей у него быть не может...

Мордвинов имел в виду ту опасность, которая таится за ширмой легкого успеха. Предостерегал от разбазаривания таланта. И Золотухин навсегда запомнил эти слова.

— Легких профессий не бывает, — говорит он сейчас. — Встречаются люди с легким отношением к своим профессиям. Когда-то давно я приехал с Алтая в огромную Москву, чтобы поступить в театральный институт. Я еще ничего не умел, а лишь хотел уметь. Потом стал играть в театре, начал сниматься в кино, выступать по телевидению. Но я по-прежнему хочу уметь, по-прежнему учусь.

Каждую новую роль, каждый образ Валерий Золотухин пытается постигнуть, ища в них самого себя. В этом — ключ его естественности. Возможно, он искал себя также и в Чапаеве Бориса Бабочкина, и в Щорсе Евгения Симонова, и в Котовском Николая Мордвинова... Он начинал не на пустом месте. И все его поиски образов людей в шинелях, солдат революции, часовых мира схожи с кропотливой промывкой песка золотом: не вдруг и не сразу вылавливаешь редкие сверкающие крупицы.

Киногерой Валерия Золотухина росли и мужали в суровые военные годы. И вышли из этих испытаний добрыми и искренними, смелыми и великолюдными. Потому на белом полотне экрана суждено им стать продолжателями линии самой приметной — линии жизни.

Шагает по выжженной стели Бумбараши, возвращается к себе домой. Где он, его дом? На Украине ли, в Белоруссии, под Рязанью? Или же далеко на Алтае, в селе с веселым названием Быстрый Исток? Какая в сущности разница, где он?

Шагает Бумбараши, думая, какой походкой войти ему на родную улицу: и ногу волочить пробует, и согбенно бреется, и ковылять устало. А потом, едва высыпают на пригорок чуть различимые издали крыши домиков, забывает обо всем на свете — бежит к ним навстречу.

Ничего, ничего, ничего! Сабля, пулев, штыки — все равно! Ты, родимая, ты дондись меня.

И я приду. Я приду и тебя обойму — Если я не погибну в бою В тот тяжелый час, За рабочий класс, За всю страну!..

И степь, и бездонное небо, и солнце, и мир. Бежит Бумбараши, несет их в себе — до мой, в завтрашний день...

Ал. МАРЬЯМОВ.

На снимке: В. ЗОЛОТУХИН в фильме «Бумбараши».

ТЕЛЕФО

для справок в редакции

за писем, массовой рабо-

той исследований —

в издательстве — 25

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА:

123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Х 3 Ноя 1973

«РАСКАЗЫВАЮЩАЯ ЗВЕЗДА»

г. МОСКОВА